

Александр Чернушкин

Рассказ отставного гусара

2020

Александр Чернушкин

Рассказ отставного гусара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65821414

SelfPub; 2021

Аннотация

Воспоминания отставного офицера гусарского полка об удивительных событиях, свидетелем которых он стал в эпоху Наполеоновских войн.

Александр Чернушкин

Рассказ отставного гусара

Эту историю рассказал мне отставной майор N-ского гусарского полка Сухотин, живший по соседству, в своем скромном имении Бакулино. Мы довольно быстро сдружились, и милейший Петр Клавдиевич навещал меня два-три раза в неделю. С блестящей обширной плешью в окружении седеньких кудрей, невысокий, но бодрый и подвижный отставной гусар, охотно рассказывал прелюбопытнейшие истории о своих боевых походах против Бонапарта. По большей части его мемуары относились к кампаниям третьей и четвертой коалиции, поскольку в войне 1812 года Сухотин толком поучаствовать не успел. Был тяжело ранен при Кобрине, получил Анну 3-й степени и вышел в отставку по здоровью «с сохранением мундира и полным пенсионом».

В один из обволакивающе-теплых, наполненных сочными ароматами увядающего лета августовских вечеров, мы с Петром Клавдиевичем сидели на веранде моего дома. Он неторопливо раскурил свою длинную изогнутую трубку, вкусно затянулся турецким табаком, и начал свой удивительный рассказ.

«Осенью, незадолго до начала кампании 1805 года поступили в наш полк два корнета, которых шеф, генерал Б.,

определил в мой эскадрон. Оба корнета были уже не мальчишки, оба из мелкопоместных дворян, но на этом их сходство заканчивалось. Один из них, фон Питтен, возрастом постарше, был из захудалого остзейского баронства. Невысокий, невзрачный, тихий, светлоглазый и светловолосый, как все чухонцы. Вел себя скромно, все больше молчал и глядел исподлобья. В моем эскадроне фон Питтен задержался ненадолго, поскольку перед выступлением в боевой поход занял вакантную должность полкового квартирмейстера – занимался провиантом и фуражом, отвечая за отпущенные на это казенные деньги. Из всех чинов полка он предпочитал общаться с аудитором, коллежским асессором Мишулиным, которого прочие офицеры почитали за «шпака» и «штафирку», и полковым священником отцом Кириллом.

Второй корнет, Адам Вольняцкий, был из польской шляхты, саженого роста и гвардейских статей – такому бы не в гусары, а кирасиры или гренадеры. Помню, он с трудом себе коня подобрал, все малы ему были гусарские лошадки. Этот легко и быстро влился в полковое офицерское общество, сразу видно было, что он человек прямой и честный, хороший товарищ, хотя и не воздержанный на язык. Корнет Вольняцкий отличился в первом же бою, у австрийского городка Ламбах, когда наш арьергард отбивался от нападавших французов. Размахивая своими длиннющими руками, в которых гусарская сабля казалась игрушкой, он напал на разъезд французских драгун, зарубил двоих и взял в плен офи-

цера. Командовавший арьберггардом князь Багратион немедленно представил корнета к награждению золотым оружием за храбрость. Когда остальные офицеры, смеясь, поздравляли Вольняцкого с наградой, корнет фон Питтен лишь кисло улыбался и жевал губами. Заметив это, темпераментный поручик Соболев вскричал: «Смотрите, наш фон барон не рад за товарища. Завидует, немчура, завидует!». Остзеец смутился, закашлялся, и после паузы все-таки выдавил из себя, что он «безусловно рад успеху этого господина, кхе-кхе, и вовсе не завидует». Однако было понятно, что даже такое неискренне признание далось ему с большим трудом. Впрочем, этот эпизод быстро забылся, поскольку офицеры устроили импровизированный банкет, вскрыв по этому поводу бочонок марочного австрийского вина.

А утром оказалось, что корнет Вольняцкий отравлен».

Тут Петр Клавдиевич замолчал, вздохнул и начал раскуривать свою трубку, задумчиво глядя на багровый шар прячущегося за дальним бором солнца. Я заметил, что держащая трубку рука отставного майора чуть дрожит, а выцветшие стариковские глаза подозрительно ярко блестят. Видно было, что эта история оставила глубокий след в памяти, а сейчас он переживает те давние события не менее остро, чем два десятка лет назад. Я предложил сменить тему беседы, если эти воспоминания ему в тягость, но Петр Клавдиевич горячо запротестовал и уверил меня, что непременно расскажет этот, как он выразился, «сюжетец» до самого конца.

Потом старый гусар, как бы невзначай, смахнул слезинку с уголка глаза, пробормотав что-то про едкий табачный дым, звучно высморкался в обширный носовой платок, и продолжил.

«Его денщик рассказал, что ночью проснулся, услышав страшные протяжные стоны. Насмерть напуганный, он заглянул в комнату, где спал Вольняцкий, и обнаружил своего барина лежащим на полу без чувств. Потом еще день или два несчастный корнет лежал в полковом лазарете, но так и не пришел в сознание. Наш штаб-лекарь Раховский, между нами – не самое больше медицинское светло, только пожимал плечами. Штопать сабельные раны он мог неплохо», – Петр Клавдиевич усмехнулся и потер старый шрам, тянувшийся через левую скулу, – «а вот отравления врачевать был не способен. Все его компрессы и клистиры были без толку. Да и времени совсем не было, – француз нам на пятки наседал, и опять предстояли тяжелые дневные переходы по сорок верст. По счастью, союзники наши, австрийцы собрали большой санитарный обоз с больными и ранеными, который направлялся на север, в германские земли, чуть ли не до самого Берлина. Прусский король тогда все еще колебался, раздумывая, стоит ли вступать в коалицию против Бонапарта, но раненных австрийских и русских воинов принять согласился. Вот с этим-то обозом мы корнета и отправили. Признаться, мы уж думали, что не увидим более Адама Вольняцкого, но наш командир, полковник П., всех уверил, что немецкие

доктора непременно поднимут корнета на ноги. Тут следует пояснить, что полковник П. имел мировоззрение неизменно оптимистическое, изучал труды Лейбница и подобно немецкому философу пребывал в убеждении, что мы живем в лучшем из возможных миров, в чем, при каждом удобном случае, и пытался убедить всех окружающих. Поэтому мы покивали для виду, но в мыслях с корнетом простились, хотя и решили вечером непременно выпить горькой настойки за его здоровье.

Уж не помню, кто первый во время этого застолья завел разговор про то, что надо бы выяснить, чем и как отравлен несчастный корнет. Обсуждение этой темы становилось все более горячим, возможно – из-за отвратительной на вкус, но очень крепкой богемской травяной настойки, которую нам все время подливал хозяин кабака. Мы довольно скоро скинули не только ментики, но и доломаны, и, как это часто бывает во время застолья, говорили все разом, не особенно вникая в сентенции собеседников. Потом мы долго пытались уговорить поручика Соболя, который пришел в совершенную ажиотацию, принялся рубить саблей скамьи и стулья, а после плакал и площадно бранился.

Корнет фон Питтен, как обычно, нашим обществом пренебрег. Тихий остзеец всегда находил какую-нибудь уважительную причину, чтобы не участвовать в наших пирушках. Тогда, помнится, он сказал, что нездоров, поэтому пить не будет, а лучше в компании отца Кирилла помолится за здо-

ровье «этого, кхе-кхе, господина».

Следующие несколько дней были заполнены долгими и тяжелыми маршами по раскисшим от осенней распутицы дорогам и постоянными стычками с французским авангардом. Про расследование отравления Вольняцкого никто и не вспоминал. Я хотел подать рапорт на имя полкового командира, но полковник П. попросил придержать его до лучших времен. Кроме того, прежде чем дать делу официальный ход, он рекомендовал мне частным образом побеседовать с аудитором, коллежским асессором Мишулиным, поскольку военно-судебное дело и следствие находилось именно в его компетенции. Господина Мишулина я обнаружил в компании корнета фон Питтена, очевидно они обсуждали что-то по квартирмейстерской части. Узнав о цели моего визита, аудитор принял меня крайне сухо, интереса к открытию расследования не проявил, пробурчав что-то в том смысле, что «кому нужен какой-то корнет, чтобы травить его. Тем более, что не до конца его отравили, а значит – и не сильно хотели». Присутствовавший при сем разговоре фон Питтен аудитору поддакивал, соглашаясь, и все время нервно посмеивался – но тогда я, признаться, никакого внимания этому не придал.

Еще через пару дней, вечером, на биваке неподалеку от города Амштеттена, ко мне постучался поручик Гроздич, и, сильно смущаясь, попросил о приватной беседе. Судя по всему, дело было крайне деликатное, поэтому я сразу попросил поручика общаться со мной «без чинов», и уверил, что го-

тов его выслушать не как командир, а как старший товарищ по гусарскому братству. После этого Гроздич очень подробно и обстоятельно поведал мне, как накануне вечером, обходя бивачные костры, стал невольным свидетелем разговора двух нижних чинов. Спешенный гусар нашего эскадрона, коновод Капитон Кудрявый, будучи в подпитии, хвастался земляку, что это именно он приложил руку к «погибели того длинного ляха, корнета Вольняцкого». Кудрявого я знал хорошо, и назвать его образцовым воином уж никак нельзя было. К конной езде он таланта не имел вовсе никакого, из-за чего был переведен в пешую команду. Да и нрава он был дурного, склонен к вранью и пьянству, за что неоднократно был порот розгами и шпицрутенами. Однако ж, одно дело – фантазии и бражничество, а покушение на смертоубийство офицерского чина – совсем другое. Тут розгами не отделаешься, этот умысел на вечную каторгу тянет.

Пригласив в свою палатку нескольких офицеров эскадрона, мы устроили импровизированный военный совет и пришли к единодушному мнению, что дальнейшее расследование проведем сами, так сказать, «не вынося сора из избы», и без всяких аудиторов. А уж потом я подам командованию подробный рапорт, содержащий все необходимые доказательства.

Я отправил вестового за гусаром Кудрявым, и когда тот явился, мы с господами офицерами учинили ему расспрос по всей строгости. Упомяну лишь, что поручик Соболев це-

лился насмерть перепуганному коноводу из пистолета в лоб, и грозился застрелить, страшно вращая налитыми кровью глазами. Каюсь, может быть, и наговорили мы в сердцах лишнего, но припугнули дурака изрядно. Тот сделался бел, как полотно, пал в ноги, рыдал, целовал крест и клялся, что готов рассказать всю правду. Выяснилось, что за день-два до боя у Ламбаха старший унтер-офицер команды фуражиров, вахмистр Бакшаков, вручил ему три серебряных рубля и склянку с каким-то смрадным зельем. Этим самым зельем Кудрявый должен был рано утром, перед дневным переходом, смазать седло лошади корнета Вольняцкого. Объяснение этой диковинной манипуляции было следующее: это все товарищеские шутки господ офицеров, мол, дурачатся они, хотят проучить новичка. Впитается зелье в сукно форменных чакчир корнета, да и припечет гузно гордому шляхтичу. То-то будет всем потеха! Ну, Кудрявый все это и исполнил в точности. А уже потом, когда корнет впал в беспамятство и угодил в лазарет, вахмистр Бакшаков угрозами заставил коновода выкрасть и уничтожить злосчастные чакчиры, на сукне которых могли остаться следы этого зелья.

Само собой, после этого я распорядился посадить коновода Кудрявого под арест, правда, слукавил – объявил, что наказан он за пьяный дебош. А караульным приказал строго следить, чтобы арестант ни с кем без моего ведома не беседовал. К несчастью, на этом наше расследование и завершилось – узнать у вахмистра Бакшакова, откуда он взял ядовитое зе-

лье, было совершенно невозможно. Еще на прошлой неделе его команда фуражиров наткнулась на эскадрон французских конных егерей и была совершенно опрокинута. Кого не порубили, тех взяли в плен – в полк из той фуражировки вернулось только трое нижних чинов, с чьих слов и были составлены списки убитых и раненых. Поэтому в полковой ведомости вахмистр Бакшаков числился пропавшим без вести.

Ну, а потом и вовсе не до того стало – сначала наш арьергард насилу отбил от войск маршала Мюрата у Шенграбена. Сильно нас тогда французы потрепали, но зато главные силы князя Кутузова отошли к Ольмюцу, где находился император Александр Павлович с подошедшими из России подкреплениями и союзники-австрийцы. Далее произошел полный конфуз союзных сил при Аустерлице. Сколько народу там полегло, и вспомнить страшно. Мой товарищ из лейб-гусарского полка рассказывал, как государь император сначала в суматохе всю свиту растерял, а затем и вовсе слез с коня, сел под дерево и заплакал...», – Петр Клавдиевич тяжело вздохнул и мелко перекрестился. Попыхтел, раскуривая потухшую трубку, и продолжил.

«Признаться, до сих пор стыдно вспоминать про наше отступление. Всеобщее смятение было так велико, что бежали мы без оглядки, – и офицеры, и нижние чины. Словом, не войско, а напуганная толпа – крепко нас тогда Бонапарт проучил. Опомнились только в Венгрии, начали дисциплину восстанавливать, да потери подсчитывать. Очень недешево

стала нам австрийская кампания – полк наш больше половины людей лишился. В их числе был и полковой квартирмейстер, корнет фон Питтен, – пропал тихий остзеец где-то на поле Аустерлица. Полковое начальство даже представило его к награждению орденом Святой Анны 3-й степени посмертно.

Пока мы ждали пополнения, нас определили на временные квартиры в Гродненской губернии. Вот там-то я и получил письмо от корнета Вольняцкого, который числился в бессрочном отпуске по болезни. Оказалось, что он жив и вполне здоров, сумели его немецкие эскулапы с того света вытащить. А вот далее корнет писал, что имеет вполне определенные подозрения насчет того, кто на его жизнь покушался. Что он уличил полкового квартирмейстера фон Питтена в злоупотреблениях и мздоимстве, чему имеет неопровержимые доказательства. И что в приватном разговоре сообщил об этом фон Питтену, предложив ему поступить как офицер и человек чести. Остзеец дал ему честное благородное слово, что непременно сведет счеты с жизнью, но попросил отсрочку на два-три дня, поскольку обязан уладить какие-то важные дела личного характера. Вполне удовлетворенный таким исходом, Вольницкий на это согласился, а на следующий день был отравлен и пришел в себя лишь спустя месяц, в германской клинике.

С письмом Вольняцкого я вновь направился на рапорт к полковому командиру, чем вызвал явное неудовольствие

господина полковника, который совсем недавно лично представил фон Питтена к награде. Через неделю он объявил мне, что проведенное аудитором Мишулиным расследование совершенно никаких злоупотреблений по квартирмейстерской части не выявило. А еще полковой священник отец Кирилл заявил, что готов поручиться за невиновность фон Питтена, поскольку покойный был образцовым христианином. Поэтому рапорту моему опять хода так и не дали.

Далее последовал еще один странный эпизод – из Военного министерства пришло уведомление, что родным фон Питтена орден его вручить «никаких возможностей не имеется», а посему награда препровождается в полк, где служил погибший герой. В пояснительной записке сообщалось, что из всего рода фон Питтенов жив лишь его отец, престарелый барон, состояние которого, очевидно в силу преклонного возраста, отягощено слабоумием. Награду погибшего принять он категорически отказался, заявив, что никакого сына-корнета в гусарском полку у него никогда не было.

Осенью следующего года наш полк выступил в новый поход против французов, спасти союзников-пруссаков. В этот раз дрались мы упорно и зло, все хотели отыгаться за наш позор при Аустерлице. Да только закончилось все еще одним поражением, опять побили нас французы в генеральной биталии при Фридланде. А затем государь император подписал в Тильзите с Бонапартом мирный договор, и стали мы по этому договору с французами как бы даже союзники.

В этот период офицеров армейской кавалерии нередко использовали как курьеров фельдъегерской службы, препоручая им доставку важной корреспонденции в нашу дипломатическую миссию во французской столице. И штабс-ротмистр Соболев, вернувшись из такого парижского вояжа, привез совершенно удивительные известия.

Гуляя по набережной Сены и любуясь видами, он внезапно столкнулся с корнетом фон Питтенем, которого сразу узнал, несмотря на партикулярное платье. Поразительным образом воскресший остзеец встрече с бывшим однополчанином совершенно не обрадовался, и только с кислой миной утверждал, что «господин гусар обознался». В результате Соболев набросился на него с кулаками, обвиняя в дезертирстве и предательстве. Случился совершенный скандал, прибыли жандармы, а пока Соболев с ними объяснялся, фон Питтен успел улизнуть.

Взбешенный Соболев немедленно доложил об этом прискорбном происшествии русскому посланнику в Париже, генерал-адъютанту графу Ч., который отправил французским властям официальный запрос о выдаче дезертира. Через день графа пригласили во французское военное министерство, где в максимально вежливых выражениях объяснили, что выполнить его просьбу совершенно не могут. Поскольку никакой это не остзейский барон фон Питтен, а маркиз Валери Валентин Вивьен Вобан де Путэн, французский шпион, поступивший в наш полк по искусно подделанным доку-

ментам и следовавший тайным инструкциям самого французского императора. Причем этот агент Бонапарта ухитрялся не только слать тайные депеши во французский штаб, но и вводить в заблуждение наше армейское командование. Вот и получается, что этот самый де Путэн не только корнета Вольняцкого отравил, но и приложил руку к разгрому союзных войск под Аустерлицем, чем поспособствовал поражению союзников в кампании 1805 года».

Тут Петр Клавдиевич прервался, и с явным удовольствием наблюдал за моим изумлением, улыбаясь и попыхивая трубкой. Должен признаться, что рассказанная отставным гусаром история действительно меня поразила. Но не столько сам «сюжетец», хотя и он оказался весьма занятным, сколько личность одного из действующих лиц – коварного шпиона и убийцы.

Обретя, наконец, дар речи, я совершенно искренне признался отставному гусару, что никогда и не подозревал, что в закулисной истории наполеоновских войн обитали столь диковинные персонажи. Да и вообще, искренне полагал, что такого рода безжалостные отравители, не брезгающие совершенно ничем ради достижения своей цели, остались во времена семейства Борджиа, и в наш просвещенный девятнадцатый век уже не встречаются.

Петр Клавдиевич усмехнулся, очевидно, с высоты его возраста мое прекраснородушие выглядело забавным и наивным, и продолжил: «Но самое удивительное, милостивый госу-

дарь, что на этом история сия отнюдь не заканчивается, а имеет продолжение, причем самое невероятное. Я-то осенью двенадцатого года вышел в отставку, а вот мой однополчанин, офицер Гроздич, повоевал в кампаниях тринадцатого и четырнадцатого годов. Был представлен к наградам, получил чин подполковника, дошел до Парижа. Правда, после Лейпцига служил он уже не при нашем полку, а был прикомандирован к штабу армии, исполнял обязанности адъютанта самого генерала В.

Как-то, уже после окончания Венского конгресса, подполковник Гроздич заехал ко мне в гости. Разговорились мы со старым боевым товарищем, вспомнили былые времена, любимой жженки выпили. От него-то я и узнал новые удивительные подробности про отравителя Вольняцкого. В 1814 году, после взятия Парижа, чинами Особой канцелярии Военного министерства был изъят тайный архив французской разведки. Среди вороха всевозможных бумаг, нужных и не нужных, были обнаружены документы действовавшего в Варшаве разведывательного бюро некоего господина Биньона. А среди них – личный формуляр маркиза Вобана де Путена. И вот тут-то и выяснилась, что никакой это не дворянин, а бастард, ублюдок по-нашему, маркиза де Вобана. Но самое

поразительное, что Вобан де Путен – не один человек, а целых трое. Побаловался маркиз с какой-то дамой из третьего сословия, а она и родила от него тройняшек, близне-

цов, которых называли Валери, Валентин и Вивьен. Детишки хотя и неказисты были, но и внешностью, и голосом, и повадками, походили друг на друга как горошины из одного стручка. Обучались в иезуитском монастыре, причем проявили недюжинные способности к иностранным языкам, из-за чего попали в поле зрения самого месье Тайлерана, решившего, что в абсолютной схожести братьев кроется огромный потенциал. Сначала он использовал их для неофициальных поручений по части министерства иностранных дел, а потом представил первому консулу Бонапарту. Корсиканец пришел в полный восторг от тройняшек, и стал использовать как шпионов.

После Тильзита эта троица имперсонировала правителя одного из крошечных германских княжеств Рейнской конфедерации, – то ли Рейсс-Грейца, то ли Рейсс-Шлейца. Добропорядочные тюрингские бюргеры все время недоумевали, как это их Светлости князю Генриху удается присутствовать одновременно сразу в нескольких местах».